

[П/П: Название главы отсылает на сказку «Русалка» Ханса Кристиана Андерсена]

Суперавианосец Стран флота пусть и не справился с задачей по покорению логова крупнейших левиафанов, но еще одно его предназначение — экспедиции на тысячи километров. Таким образом, корабль мог удовлетворить потребности всего экипажа — а это немногим более четырех тысяч человек — в плавании до шести месяцев.

Естественно, сюда входили нужды вроде еды, воды, одежды и жилья. Но вместе с тем были еще различные помещения: библиотека, часовня, спортзал и столовая. Корабль с водоизмещением в сто тысяч тонн поддерживал функциональность целой базы.

И, конечно, на борту имелся медпункт.

— Стоит полагать, то, что операция проводилась совместно со Странами флота, — своего рода луч надежды.

Массивная тень потрепанного суперавианосца стояла в порту ночью, точно гигантская туша. Дастин, заговорив, отвел взгляд от темного силуэта вдали. Он стоял в коридоре военного госпиталя, который находился на невысоком холме с видом на море и раскинувшийся портовый городок.

Тяжело раненых во время нападения на Мираж-Шпиль доставили в этот госпиталь лишь недавно. Остальным пока что воспрещалось посещать товарищей, поэтому ожидающие оставались в коридоре.

Тем, кто пришел подбодрить или уйти вместе, пришлось подавить раздражение от того, что сейчас нет возможности увидеться с ранеными.

Точно, ранеными.

Как например один из тех, кто вынудил Ночесветку отступить, но потерял руку...

— На борту Стеллы Марис ведь есть операционная, и еще реанимационное отделение. Медики вовремя оказали ему помощь, так что... — начал было Дастин.

— Я знаю, что ты пытаешься сказать, Дастин. Но закрой рот, — отрезал Райден.

Его голос прозвучал как звериный рык. Дастин сам понимал, на данный момент нет уже смысла сглаживать углы. Больничное крыло Стеллы Марис располагало продвинутым оборудованием; там имелись несколько операционных, отделение интенсивной терапии и стационары.

Флотилия Сирот часто отправлялась в дальнее плавание для противостояния левиафанам, и, будучи вдали от материка, шансы на успешное возвращение раненых членов экипажа не всегда были реалистичными. Корабельные помещения учитывали это.

И действительно, Сео отправили в операционную практически сразу после спасения, поэтому, несмотря на тяжелое ранение — повреждена артерия от сердца к левой руке, — ему оказали своевременную помощь до того, как жизни угрожала бы опасность.

Однако...

— Чувство такое, словно... ну вот и что с того? Он все равно лишился руки, понимаешь? — вздохнул Райден.

— ...Прости, — опустил голову Дастин.

— Его... наверное, уволят из-за ранения, да? — пробормотала Митихи.

— Если он сам не уволится, скорее всего, переведут на нестроевую службу.

На ее вопрос ответил Марсель. Все взгляды тут же зафиксировались на нем, и он продолжил, опустив глаза в пол:

— Мы специальные офицеры, и армия выделила деньги на наше обучение. По правде говоря, служащих не так много, чтобы ими разбрасываться, поэтому заступающим на службу специальным офицерам заранее платят при условии, что те получают образование. Так что ранение — недостаточно веская причина для увольнения... Офицер может быть даже не в состоянии сражаться, но армия просто предложит остаться на нестроевой.

Шина, его сослуживца в специальной офицерской академии, среди них не было, а присутствующие о ранении Марселя знали только на уровне слухов: что он раньше был пилотом Ванарганда, но после увечья перевелся в офицеры команды управления.

— И есть полно офицеров, которые остаются на службе, потому что не могут зарабатывать себе на жизнь иным путем, и уйдут они только когда дела совсем уж скверно пойдут. И, э... что касается «восемьдесят шесть», все несколько... Ну, армия потратила кучу денег на ваше образование в качестве офицеров и еще особое отношение... Мне трудно представить, что они просто отпустят вас.

— Но... — нерешительно начала Анжу, но решила не говорить этого вслух.

— Он больше не может быть Процессором, — сказал Дастин вместо нее.

Среди «восемьдесят шесть» не найдется никого, кто мог бы одной рукой управлять многоногой боевой машиной, — это касается даже носителей имен. В современной войне с применением бронетанкового оружия решения принимались за доли секунды, а любая заминка определяла разницу между жизнью и смертью. Невообразимо сложно выполнять маневры, требующие работы двух рук, при помощи только одной. Особенно что касается Регинлейва, спроектированного специально для высокоманевренных сражений.

Реплантация не представлялась возможной, поскольку рука затонула под волнами. Выходит, остается...

— Что насчет протеза?.. — спросил Райден, почти что с отчаянной надеждой.

— ...Я думал об этом, поэтому поспрашивал технических специалистов из Объединенного королевства и Альянса, — равнодушно отметил Бэрнольт. — Но ни у одной страны нет нужных искусственных конечностей, чтобы вести бой в Регинлейве.

Ведущие страны к северу и югу могли похвастаться передовыми технологиями. Объединенное королевство имело в распоряжении искусственные конечности Сиринов, Альянс обладал технологией сенсорного сопряжения, используемой в Штолленвурм.

— Протезированные конечности Объединенного королевства сконструированы для пользования в тяжело бронированной Барушке-Матушке. Они недостаточно отзывчивы уже для Ванарганда, что уж говорить про Регинлейв. У Альянса подвижны и точны, но система пилотирования Штолленвурма полностью завязана на сенсорной сопряженности, потому не совместима с Регинлейвом на технологическом уровне.

— Капитан Оливье также упоминал о психологическом барьере, — добавила Митихи. — Большая часть граждан Альянса призываются на службу, и им имплантируют порты для нейронного сопряжения. Они не пугаются таковых в голове для точного управления искусственными конечностями. Но что до посторонних, вроде людей из Союза или нас, создается ощущение постороннего объекта в теле, поэтому многие боятся через это проходить...

— И даже если таки решиться, чересчур хлопотно модифицировать Регинлейв для работы с системой нейронного сопряжения только ради Сео. С какой стороны не подойди, везде подвох.

— Вроде бы у Республики еще до войны была, э-э, биологическая или квази-биологическая, или... ну, в общем, нужная технология, нет? — неуверенно спросил Марсель. — Могут ли там создать протез, которым можно управлять как обычной рукой?

В довоенное время Республика специализировалась на научных исследованиях в выращивании и воссоздании биологических тканей из синтетических материалов. Одним из результатов трудов стало рейд-устройство с его кристаллами искусственной нервной системы.

Вполне рабочий вариант, если оставить без внимания мнение самого Сео, как «восемьдесят шесть», насчет использования чего бы то ни было, что создано Республикой. Но Дастин, почувствовав на себе взгляды, мягко качнул головой:

— Будь это до крупномасштабного наступления, шансы еще были бы... Но уже нет... Не сейчас...

Многие исследователи и специалисты, работавшие над инновациями Республики, погибли в крупномасштабном наступлении. Кое-какая документация еще осталась, поэтому постепенно можно было бы разобраться в технологиях и улучшить. Но точно не в ближайшем будущем.

— ...

Сео оказали помощь в той степени, в какой это было возможно. Сделать больше ничего нельзя, но смириться с этим положением все равно не стало легче. Райден только и мог, что погрузиться в меланхоличное молчание.

□

Восемнадцать — столько членов отряда Брисингамен погибли или пропали без вести в битве. Некоторых задела система самоуничтожения рельсовой пушки, других настигла обрушивающаяся морская крепость, кто-то затонул в море. Лишь нескольких признали погибшими по возвращенным останкам. А вот что по остальным, так там даже крохотные обломки их агрегатов теперь не вытащить из воды.

Среди восемнадцати была вице-капитан отряда, Шана.

— Мне сказали, она забралась на самую верхушку, чтобы поразить врага снайперским выстрелом, и потом ей не удалось выбраться. Были бы у нее еще навыки для подобных выкрутасов...

Среди спасенных вовремя оказалась Шиден. Лена пришла навестить ее и встала у входа в палату — небольшую и довольно тесную, какими и бывают каюты на корабле. Шиден сидела на кровати, уткнувшись головой в колени; всевозможные части ее тела были перемотаны бинтами. В тусклой каюте скрученные белые простыни походили на бушующие волны.

— ...Так вот она и погибла.

Перед тем, как Циклоп свалилась в море, синхронизация с Шаной прервалась и больше не восстанавливалась.

— Она сказала: «Как холодно». Такими были ее последние слова... Наверное, истекла кровью.

— ...Шиден, — пробормотала Лена.

— Кажется, четыре с лишним года. Вот столько мы с ней были знакомы. Сперва на дух друг друга не переносили. Ссорились часто и подолгу. Но товарищи по отряду погибали один за другим, и вот начали находить общий язык. Как итог, хоронили нашего капитана только я и она. И даже в то время мы несли херню про то, кому выроем следующую дыру, поговаривая: «Твоя следующая».

И так, продираясь через ссоры, сталкиваясь лбами и кооперируясь, они выжили на поле боя верной смерти. А потом пережили крупномасштабное наступление и с помощью Союза выбрались из восьмьдесят шестого сектора.

Они прошли через все невзгоды вместе, и все равно...

Шиден вцепилась в красные вьющиеся волосы.

— Погибла бы она в восьмьдесят шестом секторе... на знакомом нам поле боя, в месте, где ей следовало быть. Рай, ад или что там еще существует — я бы могла отпустить ее, зная, что она умерла именно там. Черт бы с этой могилой, пусть даже тела не останется. Я бы смирилась... даже если бы животные растащили ее останки, и так она вернулась бы в землю. Но...

Те, кто умер в море, кто утонул... Их трупы уже никогда не увидят поверхности.

— Что происходит с утонувшими?.. Они отбывают в одно место с остальными? Будет ли она ждать меня, когда придет мое время?.. Или ее забрали эти левиафаны?

А не глупый, раздражающий... и повергающий в трепет Бог Смерти?

Лена медленно опустила взгляд. Она представила себе это. Темные глубины моря, куда не доходит ни один лучик света. Побитое и раздавленное давлением тело Шаны, унесенное течением в пристанище ужасающих безымянных существ.

Если бы она погибла на поверхности, останки растормошили бы кровожадные животные, ветер и дождь. Быть может, не такие уж исходы и разные.

— Уверена, ты встретишься с ней.

Лена бросила взгляд на Шиден. Бледный левый глаз, точно снег в тени, казалось, зажегся слабым светом. Она посмотрела в ответ и кротко кивнула.

Погибшие на одном поле боя воссоединяются где-то в одном месте. Если уж в это могли поверить даже Шиден и «восьмьдесят шесть», отринувшие веру в Бога и небеса, значит, это

правда.

— Потому что вы — «восемьдесят шесть». Ты, Шана, остальные товарищи... Вы обретете покой в одном месте... Вот что я думаю.

□

— ...Итак. На повестке — погоня за новым типом Легиона, Ночесветкой, и следующая операция ударной группы.

Ударная группа «восемьдесят шесть» состояла из четырех бронетанковых дивизий, в каждой из которых процессорами заправлял командир. 1-ой бронетанковой дивизией, ныне дислоцированной в Странах флота, командовал Шин. 2-ая бронетанковая в настоящее время проходила подготовку в штаб-квартире Союза, а ее командиром был Сири.

3-ая бронетанковая дивизия с командиром отдыхали в школе при базе, 4-ая бронетанковая развернулась в Альянсе Вальде. Несмотря на огромные расстояния, разделявшие их, четыре капитана собрались вместе через линию связи.

Из пострадавших в операции в военный госпиталь могли принять только тяжелораненых. Тех, у кого были легкие ранения, отправляли в медицинский блок пришвартованной Стеллы Марис.

Шин лежал на кровати в одном из таких блоков. Он пострадал, когда плюхнулся в море. Он попытался встать, но почувствовал головокружение — то ли не хватало крови, то ли организм в целом был сильно истощен.

Он выдохнул. На приставном столике стоял информационный терминал, на экране показывался Сири, который без злого умысла нахмурился.

— Но перед этим... Ноузен, ты в порядке? Я о твоих увечьях, конечно, и о ситуации с Риккой...

— ...Ага... — Шин подумывал отмахнуться, сказать, что все путем, но передумал и качнул головой.

Естественно, они не были в порядке. Сео, его товарищ, что пережил вместе с ним специальную разведывательную миссию, вынужден уйти с поля боя. Пусть из-за ранения, а не смерти... но боль не уходила, даже если о ней никто не упоминал. Эту боль им придется вынести.

— Думаю, мы все в какой-то мере потрясены. Если я буду говорить что-то совсем из ряда вон выходящее, лучше прямо укажите на это.

— Я понимаю твои чувства. Ты знаешь, что это может произойти, думаешь, уже свыкся с

мыслью, но, когда друг вынужден оставить службу, да и еще таким образом... это больно.

Другой парень на голографическом экране кивнул. У того была темная кожа, стройное лицо и рыжевато-бурые волосы. Еще он носил очки в серебряной оправе. Ханаан Нюд — командир 3-ей бронетанковой дивизии и капитан первого в ней отряда «Длинный лук», название которого перешло от первого оборонительного отряда западного фронта в восемьдесят шестом секторе. На тот момент парень занимал положение вице-капитана; капитан погиб в крупномасштабном наступлении.

— И больно вдвойне, когда это происходит с товарищем, с кем ты прошел через огонь и воду. Где-то глубоко внутри начинаешь верить, что всегда получится выбраться из передраги... Мне знакомо это чувство. Оно одинаково для всех нас.

Эти слова произнес уже другой человек — девушка с длинными красными волосами, сплетенными в косу. Суюи Токанья, командир 4-ой бронетанковой дивизии и капитан первого в ней отряда Молот.

Первоначальный отряд Молот — первый оборонительный на южном фронте восемьдесят шестого сектора — был полностью уничтожен в крупномасштабном наступлении, в живых остался только капитан. Суюи и ее отряд во втором районе унаследовали название.

— Вот почему я бы хотел выделить больше времени на отдых перед конференцией, — вздохнул Сири. — Но времена нынче такие, что военные Союза не могут поддерживать образ славных, спокойных взрослых.

— А я не возражаю. Приходится одной ногой организовывать конференцию, другой решать вопрос с операцией.

Ударная группа столкнулась с Ночесветкой только этим утром. Пусть посланная Странам флота телеграмма незамедлительно передалась Союзу, но даже дня еще не минуло.

— Полагаю, шишки в панике мечутся. Рельсовая пушка с дальностью выстрела в четыреста километров разбила стены Республики и за один день уничтожила четыре базы Союза. Уж не думаю, что мы можем винить их за спешку.

— Давайте проговорим всю имеющуюся у нас информацию касательно чрезвычайного положения... В отчете Стран флота говорится, что Ночесветка с серьезными повреждениями сбежала под воду, и нынешнее ее местоположение остается неизвестным. Суперавианосец не мог броситься в погоню, а сонар, направленный в сторону территориальных вод Стран флота, так ничего и не засек. Судно, вероятно, также не сунется в открытое море, поскольку это уже гнездо левиафанов. Из этого следует, что оно движется на границе между открытым морем и территориальными водами под контролем людей. Все правильно?

— Да... Страны флота отправили на поиски военные корабли вместо Стеллы Марис. Звуковые

сигнатуры были записаны во время сражения, и при определенных условиях они должны уловить вражеское судно, даже если оно успело далеко уплыть. Но пока все тщетно.

Шин горестно нахмурился.

— Если бы я только мог отследить передвижение... Простите. После операции толком пальцем пошевелить не получается.

Стоило ему услышать, что выживших, включая Сео, вытащили, и им оказывают медицинскую помощь, как напряжение, из-за которого он оставался в сознании, оставило его. Внезапно картинка перед глазами потемнела, и воспоминания на этом обрываются. Он очнулся на больничной койке, когда голос Ночесветки не было слышно.

— Брось, ты сильно пострадал. Никто не винит тебя. Более того, если в таком состоянии взаправду хочешь выйти на мостик, у тебя точно в голове не все дома.

— И ранение ты получил совсем недавно. Наверняка даже ходить пока не сможешь. Тебе следует оставаться в кровати, раз ноги не держат.

— Если командир чудачит, подчиненные следом увянут. Тебе следует знать, что от этого всем только хуже.

— ...

Шин промолчал, ни звука не издал. В этот раз он чудачил не целенаправленно. Сири протяжно и с возмущением выдохнул через нос.

— Так или иначе, вернемся к Ночесветке. Хотелось бы, конечно, принять желаемое за действительное, якобы судно потонуло и окончательно вышло из строя после сражения.

— Чего, очевидно, произойти не может, — прервал Сири Ханаан. — Скорее всего, просто выбралось за пределы слышимого Ноузенем диапазона.

На лице Сири отобразилось недовольство. Ханаан не обратил на него внимания, и средним пальцем поправил свои очки.

— Но вместе с тем навряд ли враг сможет уйти далеко на север, восток или запад континента с дырой во фланге. Да и у Легиона нет баз на таком расстоянии. Судно нуждается в ремонте, а еще нужно пополнить боезапас. А вот с выработкой энергии должен быть порядок, раз там ядерный реактор.

— Получается, этой машине нужно откуда-то взять Вайзела и Адмирала. Но другие страны не

сообщали о нахождении морских баз Легиона, помимо Мираж-Шпиля...

Исходя из того, что Измаил рассказал Шину, остальные участки моря вдоль северных берегов континента не располагали к строительству морских баз над водной поверхностью. Расстояния до морского дна и территорий левиафанов затрудняли ее возведение на том же уровне, что и Мираж-Шпиль.

— Итак, если подвести итог, Ночесветка должна прятаться где-то вдоль северного побережья континента. И где-то должна быть производственная база Легиона соответствующих масштабов и размеров. Следующая миссия ударной группы — погоня за Ночесветкой и, вместе с тем, одновременное наступление на несколько производственных баз.

— Наша задача состоит в уничтожении Ночесветки и сборе информации. Еще нам было сказано в приоритетном порядке взять под контроль производственные части Вайзела; в частности, это касается управляющего ядра.

Легион не использовал людскую речь, а их территории покрывали поденки, поэтому не могло быть и речи о внешних связях или обменах. Единственный способ заполучить от них информацию, за исключением наблюдения за передвижениями в реальном времени, — захват командного ядра производственной базы и извлечение данных о линиях производства и тому подобном.

— Мы бросимся прямо за Легионом, чтобы им не хватило времени на подготовку обороны. Наконец-то удастся воспользоваться новым оснащением, которое нам подогнали аккуратно к разворачиванию на Мираж-Шпиль. Яростная армия.

Яростная армия — новое оснащение для Регинлейва. В последней операции было сочтено не брать его на борт суперавианосца из-за сложности использования. Все-таки шансы на успешное проведение внезапной атаки по Мираж-Шпилю стремились к нулю из-за характера самой миссии, а потому решили отложить.

Ко всему прочему, на момент завершения операции в Странах флота лишь 1-ая бронетанковая дивизия Шина прошла через должную подготовку для его применения. Они не могли позволить раскрыть Легиону новое оснащение ради нападения на одну-единственную базу.

— К этому времени группа Сири уже прошла обучение, и к операции примкнет еще моя 3-я бронетанковая, — сказал Ханаан. — Таким образом, мы сможем провести атаку с трех сторон одновременно... Нам пришлось сильно сократить отпуск ради скорейшей тренировки. Полковник Грета и тактический командир отнеслись к этому с явным неодобрением, но, так или иначе, нам не привыкать. Мы же, как-никак, «восемьдесят шесть».

В восемьдесят шестом секторе им ни дня не выделяли для отпуска, но несмотря на это, они пережили годы сражений. В подобных условиях выживали лишь те из них, кто был готов неустанно оттачивать боевое мастерство.

— 4-ая бронетанковая дивизия останется в отпуске, будем находиться в штабе как резервные силы. Но приоритет отдадим не отдыху, а тренировкам, — произнесла Суюи. — Мы воюем против Легиона. Никогда не знаешь, что может случиться. Нужно как можно скорее освоить Яростную армию.

— ...А знаете, из-за этих ваших выходок полковник Грета разоралась, точно банши... Все повторяла, что как только война закончится, никому из нас не позволят уволиться из армии, пока не нагоним учебу и не пройдем всю программу по обязательным предметам.

Глаза Сири смотрели в никуда. По-видимому, он получил нагоняй вместе с Ханааном вместо Суюи, поскольку та размещалась в Альянсе.

— ...Ну, понятное дело... — вяло и иронично улыбнулась Суюи. — Я признательна, что полковник... что Союз так заботится о нас. Сражения не единственное важное в жизни.

— По правде говоря, раз уж они хотят, чтобы мы ходили в школу, я не прочь походить на уроки, по крайней мере, пока не пройдем обязательные предметы, — произнес Ханаан. — Много за это время воды утекло, но я даже позабыть успел, как весело учиться.

— Даже после прибытия в Союз меня терзали сомнения по поводу того, а закончится ли вообще эта война. Но, наверное, пора бы уже перестать думать, что она будет идти вечно.

За последние шесть месяцев ударная группа побывала в разных странах, граничащих с фронтами Союза. Шин и 1-ая бронетанковая дивизия пересеклись с Сиринами в Объединенном королевстве и кланами Открытого моря в Странах флота. Точно также Сири, Ханаан и Суюи получили новый опыт, участвуя в своих операциях.

Недавние переживания казались им невозможными еще в восемьдесят шестом секторе, где оставались запертыми с людской злобой и армией Легиона.

— У командиров много времени уйдет, чтобы нагнать учебный план, — вымученно улыбнулся Шин.

— Не до шуток сейчас...

— Вот у тебя всегда плохая новость найдется, да?

— Давайте пока оставим этот вопрос. Ворчать будем, как война закончится.

Четыре командира, так же, как и капитаны отрядов и лейтенанты, должны были окончить курс для специальных офицеров в дополнение к обычной программе — и ни один из них не прошел упомянутый первый.

Глаза Ханаан за очками с сомнением дернулись, когда он предложил вернуться к основной теме:

— Поскольку мы собираемся атаковать не просто какие-то три базы, Союз планирует послать еще войска. Но армия сейчас не располагает свободным резервом, поэтому частные вооруженные силы дворян изымут и включают в операцию. Это менее десяти полков, но их введут всех без исключения.

Шин осознал, что высшие чины армии сейчас все как на иголках. Силы Союза более не могли проводить лобовые атаки, и по этой причине появилась ударная группа. Теперь же изъяли войска вне армии и добавили их к отряду, задача которого — сбор информации.

Это указывает на то, что верхушка чувствует серьезную опасность от Ночесветки. Или, скорее, от намерений Легиона. Или, возможно, на уме у них совсем иная цель, которую они просто прячут за противостоянием Ночесветке.

Изъятие частных вооруженных сил, пусть даже менее десяти полков, и включение их в одно воинское подразделение — задача не на один день. Должно быть, они спланировали этот ход заранее.

Быть может, начало было положено месяц назад, когда Шин раскрыл Эрнесту возможность остановить Легион. Одним из ключевых моментов была тайная база, и они, скорее всего, подумали включить частную армию для усиления сил Союза, чтобы захватить ее.

— Принято. Так какую базу должна атаковать 1-ая бронетанковая?

— Точно, она находится в месте, которое вы должны были посетить после Стран флота, Ноузен. Святая теократия Ноирьянурсе.

Святая теократия считалась лидером родных краев Аурата, расположенных на дальнем северо-западе континента. Эта зарубежная страна находилась многим дальше Республики, с которой, как и с Союзом, не имела общих границ, и нескольких малых стран. Их культура и язык совершенно различны.

Война с Легионом стерла страны между Республикой и небольшими государствами на далеком западе. Два месяца назад Объединенное королевство перехватило сообщение, которое подтвердило выживание нескольких стран в том направлении. По-видимому, они сражались с Легионом одиннадцать лет с начала войны, будучи окруженными со всех сторон. Святая теократия, расположенная на северной оконечности дальнего запада, воевала с машинами до сих пор в месте, известном как пустой сектор.

Пустой сектор представлял собой полуостров, заброшенный еще до начала войны. А на ранних ее этапах там было утверждено строительство нескольких крупномасштабных производственных баз.

Как результат, военная ситуация Теократии была нестабильна. Помощь этой стране от 1-ой бронетанковой дивизии была запланирована до их развертывания в Странах флота. Появление Ночесветки слегка скорректировало задачи, тем не менее место назначения осталось прежним.

Точно.

Шин прищурился. Пустой сектор на северной оконечности запада континента. Шин, прежде чем потерять сознание на мостике, услышал, как Ночесветка направилась на запад.

— Было решено, что 1-ая бронетанковая отправляется на запад — туда, куда скорее всего сбежала Ночесветка... Буду надеяться, вам выдастся шанс отомстить.

□

— ...Уверен, ты и сам это понимаешь, но мы не можем дать тебе отправиться в Святую теократию, Вик. Нужно остерегаться утечки информации по нашей национальной обороне, в частности о твоих милых певчих птичках.

Итоги операции подводили Лена, как тактический командир, и Райден, замещающий командующего операциями Шина, и точно также свои обязанности выполнял Вик, как принц Объединенного королевства и офицер другой страны. Он отчитался по поводу прошедшей операции и обратился за помощью в отслеживании местоположения Ночесветки.

Сделав соответствующие выводы, его старший брат добавил предупреждение, в ответ на которое Вик кивнул. Он расположился в комнате на их нынешней базе в портовом городке Стран флота.

Святая теократия Ноирянарусэ — безумная страна*.

[П/П: с яп. Ноирянарусэ (狂国) буквально — безумная страна]

— Знаю, брат Зафар. Наши ценности разнятся настолько, что мы скорее назовем их сумасшедшими. Нельзя довериться стране без капли уважения к морали. Полагаю, Союз также будет скуп на раскрытие информации вроде сенсорной синхронизации или способности Ноузена.

— Как я и думал... Ох, да, должен заодно и насчет этого их предупредить. Просто на всякий случай.

— Знаю. Я не стану рассказывать «восемьдесят шесть» о причине, почему Святая теократия зовется безумной страной.

Элегантная улыбка Зафара как бы говорила: «Хорошо».

— Раз уж останешься в стороне в этот раз, я был бы признателен, если бы ты попробовал обменяться информацией с генералами Союза. Как ты метко подметил, Мираж-Шпиль и Ночесветка показались странными. Ох, чуть не забыл...

Старший брат, кронпринц, говорил будничным тоном голоса, а потому Вик расслабился и приготовился к простому нагоняю из-за какой-нибудь мелочи. И вот...

— ...ты что-то скрываешь от меня с отпуска ударной группы в Альянсе. Не так ли?

...Вика это заявление застало врасплох. Он был искренне потрясен им, несмотря на склад ума. Но ответил, даже не изменившись в лице — более того, с полной уверенностью, что не пошевелил бровями и не дернул ни одной прядью волос:

— Нет, конечно. Я бы никогда не стал что-либо скрывать от тебя, брат Зафар.

«Легион готовится ко второму крупномасштабному наступлению и предпринимает усилия к модификации и улучшению себя.»

Только об этом Вик поведал отцу, то есть королю, и Зафару, кронпринцу. Он не стал рассказывать про способ выключить весь Легион, потому что сам по себе факт не располагал к применению. К тому же раскрытие такого рода информации без нужды ударит по положению Союза среди других стран.

Что уж говорить, не всем в Союзе известно про этот способ.

Улыбка Зафара была неизменна.

— Понятно. Так ты теперь держишь тайны при себе... причем от меня.

— ...Брат Зафар.

— Хвала небесам. Похоже, ты неплохо прижился рядом с «восемьдесят шесть».

Зафар посмотрел на него с необычайно счастливым взглядом.

— Ребенок восстает против родителей и старших братьев и сестер, начиная уделять внимание обещаниям друзьям. Это признак личностного роста... В таком случае, буду исходить из того, что ты от меня ничего не скрываешь.

Он закрывает глаза из уважения к драгоценному младшему брату.

— Если война закончится, как насчет поучиться в каком-нибудь из университетов Союза? Ты все-таки едва посещал школу из-за войны. Думаю, тебе стоит в полной мере насладиться студенческой жизнью, когда все это безобразие уляжется.

Губы Вика тронула слабая, где-то горькая улыбка. Ее он показывал лишь отцу и старшему брату...

«Говоришь про рост, брат Зафар, и все же продолжаешь обращаться со мной как с ребенком.»

— Если ты и отец позволите.

Когда наконец-то закончится война... Чем займутся Шин и остальные «восемьдесят шесть»? Вопрос этот возник в голове не из интереса, а скорее из чистого любопытства. При первом посещении Объединенного королевства они не смогли бы на него ответить, а что же сейчас?

Что бы сказал Сео теперь, когда больше не может стоять на поле боя бок о бок со своими товарищами?

Завершив связь, Вик выключил терминал и повернулся к фигуре, что молча стояла в ожидании.

— ...Сколько раз я уже говорил тебе не мчаться сломя голову и не ломаться при каждом шаге?

— Мне безгранично стыдно за это...

Только недавно Лерче реактивировали, как вновь практически половина ее тела была утеряна. В этот раз его задело не горизонтально, а по диагонали. Системы охлаждения и питания пришли в полную негодность. С лица, сделанному по образу юной девушки, слезла часть кожи. Выглядела она как утопленник, обглоданный рыбой.

Оглядев ее снизу доверху, Вик вздохнул. На восстановление после такого урона уйдет определенное время.

— Ну, у меня появились дела в Союзе и, как ты могла услышать, в следующей операции я участвовать не буду, поэтому какая-никакая свобода у меня будет. Только просьба, не занимай ее всю единолично.

— Ваше Высочество, что произошло с Ночесветкой после того, как я...

— Мы нанесли сокрушительный удар, но ей удалось сбежать. Раз об этом ты не в курсе, значит, не знаешь, что Ноузен выжил. Полагаю, список выживших и погибших в бою также тебе неизвестен.

— В-вот оно как. Так Бог Смерти-доно... выжил. Отрадно слышать. А что с Юто-доно? Обратном-доно? Снежной ведьмой-доно? Циклопом-доно и... Лисом-доно, кто остался последним?

Вик равнодушно моргнул. Он не располагал свободным временем, чтобы уточнить ситуацию по каждому члену группы. И в отличие от Шина с Леной, он не был знаком лично с каждым.

— С этих пор не упоминай Рикку перед Ноузеном, Шугой, Эммой и Кукумиллой.

— Он...

— Он не погиб, но и сухим из воды не вышел. Все детали об операции и жертвах я занесу в отчет и отправлю, проверь его позже.

Лерче удрученно вздохнула. Сиринам дышать было незачем, но Вик добавил им этот функционал для выражения эмоций.

— Понятно... Я уверена, Бог Смерти-доно терзает себя...

— В этот раз вышло на удивление слишком много жертв. Всем сейчас нелегко, Ноузену в том числе.

— Определенно... Есть вещи, о которых не следует упоминать перед Богом Смерти-доно, Обратном-доно, Снежной ведьмой-доно и Стрелком-доно.

Затем Лерче осторожно поинтересовалась:

— Ваше Высочество, надеюсь, моим поискам не был отдан приоритет в ущерб чьей бы то ни было жизни?..

Вик на вопрос приподнял бровь. Ну конечно, это поставило бы Сирина, вроде Лерче, в неудобное положение.

— Ничего подобного, тебе не стоит переживать.

Изменение порядка спасения жертв в угоду личных чувств посрамило бы его как лидера. Фредерика и спасатели Стран флота поместили Сиринов в самый конец списка приоритетов.

То, что в процессе удалось вытащить Лерче, — просто совпадение.

— В том же месте разбился еще один человек, тебя подобрали вместе с ним. Саки, кажется, зовут — из отряда Молния. Поблагодари потом обязательно. Представляю, как тяжело было вытащить тебя.

Судя по всему, Саки получила прямое попадание от скорострельной пушки. Ее агрегат свалился в море, и пока она ждала спасения, Чайка Лерче упала с Ночесветки туда же.

Саки как-то удалось открыть кабину Чайки до того, как та затонула, и вытащить останки Лерче. Когда к ним подплыла лодка, никто даже внимания не обратил на то, что она Сирин. Вик уже успел смириться с мыслью, что потерял Лерче навсегда, и только потом услышал отчет...

Ах, точно.

Бросив беспечный взгляд в окно, он добавил:

— Совсем вылетело из головы, но отлично справилась со своим возвращением... Вот за это я тебя похвалю.

Краем глаза он заметил, как губы Лерче изогнулись в небольшую улыбку.

— Благодарю вас.

□

— ...Хм-м. Не пойми превратно, ладно? Я не имею в виду ничего плохого, и не ворчу насчет того, а почему ты, собственно, еще жив. Я очень-очень счастлив, что ты выкарабкался, но...

Раненых солдат размещали в большой палате на стационарное лечение. Место было старым, но поразительно чистым. Рито, сидя на круглом стуле, нерешительно уставился на силуэт больного, полулежащего на кровати.

— Меня поражает то, как ты вышел из передрыги в целости и сохранности.

— Не тебя одного.

«В целости и сохранности» и близко не подходит для описания состояния Юто для любого, кто увидит его, не зная всей истории.

Парень кивнул; все его тело покрывали бинты, конечности были укутаны в гипс. Серьезные ушибы, десятки переломанных костей, в числе которых и ребра — из-за последнего случился коллапс легкого, и даже внешне это проявилось.

Но несмотря на все травмы он выжил, можно сказать, чудом, поскольку его агрегат смело стотонной 800-мм длинноствольной пушкой. Джаггернаут, напротив, получил настолько огромный ущерб, что ремонту уже не подлежит.

— Сломанные ребра с двух сторон и дыра в одном легком — сущий ад, на самом деле, — сказал Юто своим неизменным плоским голосом, в котором совсем не слышалась та агония. — Дышать больно, но с этим я ничего сделать не могу. Только вынуждает проклинать себя за то, что выжил.

— О, говорить, наверное, тоже больно, да? — спросил Рито извиняющимся тоном. — Может, мне следовало зайти позже.

— Нет, хорошо, что ты пришел. Разговор с кем-то отвлекает, а ты никогда не затыкаешься.

— Это похоже на оскорбление, — надулся Рито, но не похоже, чтобы он по-настоящему обиделся.

Юто парень молчаливый, но сегодня он, как ни странно, говорил много. Видимо, ему и правда нужно занять разум хоть чем-то помимо боли. Она накатывала с каждым вдохом и выдохом, а сопротивляться ей можно было только задержав дыхание. И...

— Мне посчастливилось остаться в живых, так что жаловаться не на что. Отвlechься — уже большая помощь.

...ему также нужно было абстрагироваться от душевной боли, которая пришла с потерей товарищей. Многие члены отряда Молния Юто числились погибшими или пропавшими без вести, в частности авангард. Его отряд, точно также, как Брисингамен Шиден, подвергнется реорганизации к следующей операции. Но Юто вряд ли восстановится к тому моменту в полной мере.

— ...Ага. Но дышать тебе все равно больно, поэтому именно я проедусь тебе по ушам. Ох, забыл совсем, левиафан! Кажется, Мусукура, так они его называют. Что это за световая пушка была? Расскажи во всех подробностях, когда станет лучше!

— ...Прости, я потерял сознание под водой, когда все произошло.

— Ох, ну да. Тогда, э... Наверное, кэпа Ноузена спрашивать смысла нет, но, может, у принца попросить?! Хотя ему этот разговор может слишком наскучить, или, знаешь, вообще будет рассуждать со своей чудной колокольни... Вроде того, что выглядит пальчики оближешь и все

такое. Да, как представлю себе это. Все-таки спрошу у кэпа немногим позже!

— ...

«В самом деле, он не понимает, когда нужно держать язык за зубами. Или он просто слишком впечатлителен и легко слетает с катушек. И когда такое случается... прямо то, что доктор прописал.»

Рито никогда не застилала тень смерти, которая окутывала большинство «восемьдесят шесть». Он мог беззаботно говорить о завтрашнем дне. Мог шагать вперед с уверенностью, что этот самый завтрашний день еще увидит.

«Я же тоже остался в живых... Пережил восемьдесят шестой сектор, крупномасштабное наступление... Я даже выкарабкался из смертельной вылазки на Мираж-Шпиль. Я прошел через все это. И выжил. Так что, быть может, я заслужил право думать о будущем...»

Он вспомнил случай еще до операции — о капитане противолевиафанового судна, кто подсказала им о живописном виде на горизонт с маяка. Она просила зайти к ней как-нибудь позже, а всего через несколько дней отправилась за волны в роли приманки и не вернулась.

Затем мысли перешли к Шину, который рассказал им, что в детстве видел скелет левиафана. Дурацкий, но не менее трогательный разговор показал Юто, что даже у каменнолицего Бога Смерти есть милая сторона. Та сторона, где он очарован видом гигантского чудища.

Так что сейчас, наверное, самое время. Возможно, Юто теперь может вспомнить о пустяковых мечтах детства, от которых отказался в восемьдесят шестом секторе.

— ...Раз такое дело, выслушай и меня тоже.

Рито в любопытстве глянул на него. Юто пожал плечами. Жест вышел едва заметным, но ему пришлось приложить много усилий.

— Насчет скелета левиафана... Нет, я бы хотел посмотреть на них вживую, своими глазами.

В следующий раз он придет как простой турист. Когда закончится война... Как просила того капитан. Ее последнее желание.

— Так или иначе... член экипажа как-то обмолвился, что некоторые виды левиафанов и правда «пальчики оближешь». Они нарезают их на небольшие куски, готовят вместе с рыбой и едят.

— ...Они употребляют их в пищу?..

— Ну, технически-то они животные... наверное?..

Да, животные, палящие лазером...

— ...Их же можно отнести к животным?

— Не меня спрашивай, Юто!

□

Когда рев бушующего моря уступил шуму от тяжелой техники, Крена поняла, что Стелла Марис прибыла в порт. Система ее Джаггернаута, в котором она сидела сжавшись, находилась в режиме ожидания. На вспыхнувшее голографическое окно посередине кабины она вяло подняла голову.

Через него она увидела Фредерику, стоявшую подле Стрелка.

— ...Что?

Крена не стала открывать кабину, а короткий вопрос задала через внешние динамики. Услышав гулкий голос, Фредерика на миг оцепенела.

— ...П-просто Процессорам уже скоро пора высаживаться. Почему бы тебе не поесть что-нибудь? Ты не вылезаеть оттуда уже почти полдня. Обходиться без еды так долго вряд ли пойдет на пользу здоровью, к тому же телу нужен отдых. И...

— Я справлюсь.

— Но...

— Сказала же, сама справлюсь... Ну не ела я день — и что? В восемьдесят шестом секторе миллион раз были моменты, когда приходилось сражаться целые дни. И в Союзе тоже. Я бы не добралась сюда, если бы могла умереть просто от голода.

— В сторону, малявка.

Видимо, в мертвой зоне оптического сенсора стоял еще один человек, поскольку она не видела того, кто произнес последние слова. Секунду спустя кабина открылась без ее вмешательства. Этот некто ввел аварийный код доступа, единый для всех Джаггернаутов, и повернул внешний рычаг разблокировки кабины.

Крена машинально посмотрела вверх и столкнулась с глазами человека в той же пилотной форме стального цвета. Это была девушка из «восемьдесят шесть», капитан взвода отряда Брисингамен Шиден и Шаны. Мика.

— В столовой судна следят за каждым: кто приходит поесть, а кто не появляется. Все повара без исключения тревожатся, потому что одна девчонка так и не зашла.

Она сунула Крене поднос с остывшей едой, но та отвела взгляд. Мика повела бровью.

— И плюс, как бы ты не старалась не замечать этого, состыковались мы очень давно. Раненых солдат уже перевели, теперь черед за Джаггернаутами. Все Процессоры готовятся к высадке, ну, помимо госпитализированных, конечно... Мне вслух нужно выговаривать это? Ты уселась внутри в мрачных думах и мешаешь работе. Про разбор полетов не забыла? Двое капитанов отряда выбыли из строя, теперь их замещает Райден как командующий операциями. Вместе с тем ты отлыниваешь от задач, хотя на тебе ни царапины.

Крена краем глаза на небольшом расстоянии видела знакомые лица из бригады обслуживания, что поглядывали на них. Она поняла, пусть и слишком поздно, что Джаггернауты остальных членов отряда Остриё копья уже выгрузили с корабля. Наверное, ее решили не трогать из уважения.

И как сказала Мика, Шин потерял сознание, Райден — вице-капитан — заменил его, а Сео... как можно скорее отвалили на операцию. Трое оказались не у дел, а с учетом Крены, которая осталась в кабине своего Стрелка, среди высокопоставленных офицеров разбор полетов могли провести только Анжу и капитан 4-го взвода. Можно только догадываться, как тяжело им пришлось.

Она впиалась взглядом в Мику, пытаясь отмахнуться от чувства вины. Ее так и подмывало сказать, чтобы та перестала выговаривать здравые мысли.

— ...Ну давай, выскажи уже мне все. Дело не в том, что я создаю проблемы остальным. Ты просто ненавидишь меня. Давай, не стесняйся. «В смерти Шаны виновата я» — это ты хочешь сказать, да?!

Мика резко схватила Крену за ворот формы и притянула к себе.

— Только ты тут хочешь, чтобы я это сказала, — произнесла она. Их носы практически соприкасались, а зеленые глаза Авентур с золотой радужкой пылали ледяной яростью. — Но я не собираюсь подыгрывать тебе... Шана погибла, потому что сражалась. Она сама избрала путь битв до последнего вздоха. И не тебе... брать за это ответственность.

«Ты лишь проецируешь на себе чувство вины, чтобы погрязнуть в самобичевании... Только ты выкрутишься, если вину свалят на тебя. Этого я не позволю.»

— Не тебе. Не той, кто пальцем в разгар боя не мог пошевелить из беспокойства за Шина или Сео. Не тебе!.. Да что с тобой не так?! Шин выжил, Сео тоже, черт тебя дер! Вы еще легко отделались! Мы потеряли Шану, Алто, Санну, Хани и Мерио! Никто из них уже не вернется! Но мы — мы все еще живы, поэтому нечего тут сидеть в обнимку с коленями!

Золотые радужки Крены сузились. Подыгрывать? Легко отделались?!

Она в ответ схватила ворот Мики и зарычала через стиснутые зубы:

— Это ты называешь «легко отделались»?! Каким образом?!

«Сео, я... Мы “восемьдесят шесть”, мы...»

— Что еще у нас есть помимо сражений?! Ни семьи, ни дома — ничего. Если мы и этого лишимся... Если не сможем больше идти в бой...

Гордость — последнее, что осталось от их личности. Все остальное забрала Республика. При них теперь только выкованная в войне, закаленная в бою и с трудом полученная гордость.

И даже она... исчезает.

— Если и этого не станет... тогда кем мы будем?!

Раньше этот вопрос не крутился подолгу у нее в голове, но сейчас он живо предстал перед глазами. Ей открылась реальность, где оставшуюся гордость забирают и приходится жить без нее. Ей пришлось столкнуться с тем фактом, что будущее, в котором перестаешь быть «восемьдесят шесть», может настать для нее и для Сео. Так как?..

— Как мне при этом оставаться спокойной?!

По-детски и слишком жалко всхлипнув, Крена отпихнула Микку и убежала.

Когда та схватила девушку за ворот, совсем забыла про поднос с едой. Посмотрев на руки и поняв, что натворила, она обернулась и обнаружила Фредерику с подносом. Судя по всему, успела подловить, когда Мика ненароком бросила его.

— ...Я, возможно, зашла слишком далеко, — пробормотала она.

По поводу Крены она вины не испытывала, а вот Сео этого явно не заслуживал. Она хоть и сказала, что они легко отделались, раз не погибли, но... к нему это не относится.

Для «восемьдесят шесть» оказаться не в состоянии сражаться не лучше смерти. Быть может, даже хуже. Все-таки такова была их гордость — биться до последнего вздоха. Лишиться ее означало утратить то, что определяет тебя как «восемьдесят шесть».

...Так что да, когда приходишь к такому выводу, хочется сразу спрятаться в своей скорлупе. Поразмыслив немного, Мика осознала, что пересекла черту с Креной.

— Эй, малявка, поешь вместо нее?

— Нет, еще чего!

□

Крена выбежала из ангара, словно сбегая от Мики. Ноги естественным образом повели ее в больничное крыло Стеллы Марис. К Шину. Она хотела услышать его голос. Увидеть лицо.

«...Крена.»

Все будет, как в былые времена в восемьдесят шестом секторе. Когда ее застигала ненависть и злоба по отношению к белым свиньям. Он всегда окажется рядом, всегда успокоит спокойным, безмятежным голосом.

Крена сделала последний поворот и сразу остановилась. Перед больничной палатой, куда она держала путь, уже стоял один человек. Синевато-серебристые волосы Адуляриев и поразительные серебряные глаза. Человек был крупного, внушительного телосложения, на манжете виднелась повязка военного капеллана.

— А, преподобный...

Высокий священник с лицом медведя обернулся. Он был выше Райдена и затмевал даже Дайю и Куджо. Ему пришлось посмотреть вниз, чтобы столкнуться с глазами Крены с ее средним для девушки ростом. И этим взглядом...

...Именно так — сверху вниз — Альбы смотрели на Крену и ее старшую сестру, когда насмехались над трупам их родителей.

— ...А.

Она все еще помнила то чувство, когда они нависли над ней. Для совсем маленькой и юной девочки все взрослые казались гигантами. Но те мужчины походили скорее на деспотичных громаден из мифов. Она оцепенела, в голове мелькали воспоминания о том дне. Вспышки, пронзающие тьму ночи. Запах крови в воздухе. Обезумевший демонический смех и блеск

серебра.

Кровь отхлынула с лица. Крена повернулась и убежала.

□

Получив доклад о состоянии серьезно раненых процессоров, вроде Сео и Юто, Лена решила вернуться на борт Стеллы Марис, чтобы проведать больных. Она шла по тесному коридору суперавианосца. До больничного крыла было рукой подать, но ей пришлось резко уйти в сторону, потому что на нее вылетела Крена.

Она с сомнением проводила взглядом убегающую, точно напуганный кролик, девушку. Затем обернулась и заметила молча стоявшего священника.

— Мне жаль, — обратилась к нему Лена. — Это было очень грубо с ее стороны. Я приношу свои извинения, как командир...

— ...Да нет, все нормально.

Священник качнул головой и повернулся к ней.

— Сложно назвать ее поведение грубым, учитывая, через какие ужасы пришлось пройти этим детям. Вполне закономерно, что она испугалась моих серебряных волос и глаз.

Лена удивленно моргнула несколько раз.

— Она... испугалась вас?

«Восемьдесят шесть», включая саму Крену, постоянно называли Альб белыми свиньями и открыто презирали. Но чтобы их боялись — этого она никогда не видела.

— Думаю да, меня испугалась. Девушку, тогда еще малютку совсем, наверняка вынужденно затащили в лагерь для интернированных... Семь лет ей, наверное, было. На ребенка кричали взрослые. Должно быть, ей было страшно. Столкнуться с чрезмерным насилием в таком-то возрасте без единой возможности защитить себя.

— ...

Лена умолкла, стыдясь своего невежества. Она выросла в первом секторе, который заселяли в основном Альбы еще до войны с Легионом. Ей не довелось запечатлеть, как «восемьдесят шесть» уводят в лагерь для интернированных. Можно только догадываться, каково им было, но

она не сможет по-настоящему осознать напряженность той ситуации.

— ...Кажется, я знаю, из-за чего. Мой рост. Она, видимо, вспомнила, как в детстве на нее смотрели сверху вниз взрослые, и вот что послужило толчком. Я должен взять на заметку не смотреть больше так на этих детей.

— Преподобный...

— О, не волнуйся. Я уже свыкся с тем, что дети меня боятся. Ну знаешь, я такой огромный... Как сейчас помню нашу первую встречу с этим угрюмым парнем, что спит сейчас в палате, — он ведь был как котенок. И вот что я тебе расскажу, он испугался за свою жизнь.

Священник преувеличенно пожал плечами, как бы давая понять, что шутит. Образ съежившегося от страха юного Шина вернул Лене улыбку. Мужчина, скорее всего, понял, как ей было стыдно, и поэтому решил отшутиться. И она оценила этот жест.

Кстати говоря...

— А Шин... Капитан Ноузен спит? В такую рань?

Лена и Крена могли спокойно здесь расхаживать, потому что для отбоя было еще слишком рано. Священник молча отступил от прохода, позволив ей заглянуть внутрь. И да, она услышала слабое размеренное дыхание Шина.

Свет еще горел. Он лежал в задней части палаты, но саму кровать прикрывал занавес... И все же он действительно сейчас спал.

— Травмы сделали свое дело. Потом еще обсуждение погони за новым типом Легиона с командирами. Должно быть, он совсем выдохся.

— ...

Истощение вызвано не одними лишь увечьями. Произошедшее с Сео также наложило психологическое бремя. Тем не менее Шин вынуждал себя выполнять свои обязанности в ударной группе. Она понимала — он не сможет просто сидеть сложа руки, поэтому решила проведать его... Но ее не покидало чувство, что Шин принуждает себя.

— Военный врач попросил его отдохнуть сегодня. Можешь за меня сказать, чтобы и завтра отлежался?

На просьбу Лена удивленно моргнула. Она могла, конечно... Но не будут ли слова из уст отца иметь больший вес?

— Мне кажется, сказать ему об этом должны вы, преподобный... — произнесла она мягко.

— Он уже слишком взрослый, чтобы слушать дядьку, который вырастил его. И к тому же, наиболее действенно будет, если пожюришь его именно ты.

Заметив на себе многозначительный взгляд священника, Лена почувствовала, как запылали ее щеки.

«...Ну, да.»

Райден как-то сказал, что все уже давно заметили, поэтому неудивительно, если священник тоже обо всем догадался. Хотя ей и было от этого неловко. Глаза Лены блуждали туда-сюда, а взгляд священника смягчился.

— Я смотрел, как этот юноша покидал лагерь для интернированных. На тот момент он уже позабыл о смехе... и о слезах.

Лена снова смотрела на священника, но тот уже повернулся лицом к больничной палате. Его серебряные волосы затухали в белый, а глаза были с оттенком лунного цвета.

— Думаю, ты... во многом поспособствовала тому, чтобы он вновь улыбался.

□

Крена вернулась в свою комнату. Анжу, ее соседки, не было. Комнату рядом заселяла Фредерика, а противоположную — Шиден.

...С Шиден жила Шана, да только она уже не вернется.

Фипи, черный кот, шатался возле входа. Стоило только заметить Крену, и он сразу подошел к ней. Потерся о ботинки, мяукнул. Впервые за долгое время она улыбнулась краешками губ.

— ...Привет. Я вернулась.

Нежно потрепав кота за ухо, она взяла его на руки. Его подобрал Дайя еще в восемьдесят шестом секторе. Но по неизвестной причине котенок привязался к Шину; он занимал свое место подле него всякий раз, как тот освобождался от рутинных обязанностей между сражениями с Легионом. Он игриво дергал страницы любой книги, какую бы Шин не читал, но тот никогда не прогонял его.

Крена постоянно находилась недалеко от этой парочки, поскольку рядом с котенком она могла

быть ближе к Шину. Комната капитана служила кабинетом, при том достаточно просторным, потому вскоре подтянулись и остальные.

— Но теперь мы... не собираемся вот так вместе, — сказала она Фипи, хотя напрямую слова не были адресованы ему.

Черный кот взглянул на нее незамутненным взглядом, недоступным для людей. Спальные комнаты и кабинеты не самые лучшие места для подобных сборов. Для этих целей на базе ударной группы были столовая, кафе, зал ожидания и помещения для отдыха. В просторные места могло собираться больше людей, чем в небольшой каморке капитана, какая была у них в те дни.

Каждый отряд облюбовал свой уголок, но ощущались их сходки теперь совсем иначе. На них смотрели слишком много глаз, и при них ей было крайне неловко играть с котенком.

Большую часть времени Шин проводил с Креной и остальными членами отряда Остриё копья. Они усаживались на диваны в закреплённой за ними задней части помещения для отдыха. Но все чаще сам он начал пропадать в учебном кабинете базы. Вскоре к нему присоединились Райден с Анжу. И остальные Процессоры отряда.

— ...Да, знаю. Я бы могла просто примкнуть к ним.

Если одиночество столь невыносимо, всего-то и надо, что последовать за ними. Если от гордости так или иначе придется отказаться, тогда тем более она должна пойти в тот кабинет — в место вне поле боя.

Шин, Райден и Анжу до сих пор не видели перед собой ясного будущего без войны. Они только начали готовиться к нему, их взгляды были направлены на что-то туманное, существующее вне битв.

Крена могла бы определиться с направлением позже. Но она боялась. Всякий раз, как задумывала пойти в учебный кабинет, ноги примерзали к полу. Она боялась узнать, какое будущее ее ждет после войны. Даже думать об этом не хотела.

Вполне возможно, подобные чувства разделяли многие из «восемьдесят шесть»: заикленность на поле боя, пылкое и упрямое непринятие будущего вне войны. Ибо все понимали: ступив за пределы привычной обстановки, они могли не обнаружить твердой почвы.

Никто не рассчитывал на будущее. Погибнуть можно было в любой момент. Можно было не увидеть уже даже следующий день. Они слишком долго провели на поле боя без опоры, и искоренить угнездившееся смирение совсем не просто.

Они не могли заставить себя поверить в счастливое будущее, которое может ждать уже завтра,

если того пожелают.

Кот в руках мяукнул. Крена обняла его, затем зарылась лицом в мех.

†

С завершением миссии настал черед покинуть Страны флота. Но даже в день отправления все Процессоры ударной группы оставались в мрачном настроении. Они выполнили первоначальную задачу. Ночесветка сбежала, да, но ее можно записать в разряд неожиданностей. А потому прогнать новый тип Легиона — дело похвальное, пусть и по-своему.

Да, похвальное, именно таким оно должно быть.

Закричали морские птицы, не осведомленные о бушующих штормах и войнах за морем. Их голоса доносились до Стеллы Марис. Корабль был пришвартован близ берега, и стоял он точно призрак. Издалека казалось, что не в таком уж он и в плохом состоянии, но серьезный внутренний ущерб подрывал крейсерские возможности.

Спустя десять лет сражений исхудавшие Страны флота лишились былой национальной и технологической силы. Починить корабль у них уже не выйдет.

Суперавианосец пустился в тайное плавание и завершил последнюю свою операцию. Больше не было смысла скрывать его от взора Легиона в укромном порту. И вот он открыто стоял на берегу. Бывший экипаж, немногие выжившие из Флотилии сирот и даже горожане — в их взглядах словно погас некогда ревуший огонь. То самое пламя горело еще в суматохе фестиваля перед отправкой, но сейчас его будто и не было никогда.

— Как они теперь будут называться? Не Странами флота же.

— Брось... Не следует такое говорить.

— Но я к тому, а что, если...

«Что делать нам, если пройдем через то же самое?» — невольно задались вопросом юные солдаты. Они не могли воспринимать сей исход за обычную проблему другой страны. Все-таки однажды у них уже забрали все, когда вынужденно отправили в лагеря для интернированных. Отняли личности. Лишили самого важного, за что они могли бы уцепиться. Украли жизни, которые они могли бы прожить...

И никого из забирающих это не волновало. Так кто скажет, что этого не повторится?

Никто.

□

Еще в восемьдесят шестом секторе Шин часто получал увечья из-за безумных трюков в бою. Потому за годы со становления лейтенантом Райден привык заниматься бумажной волокитой по необходимости.

Но если во времена восемьдесят шестого сектора к ним относились как к расходнику, Союз же воспринимал их за ценных солдат. Из-за этого Райдену не было позволено халтурить с отчетом. Даже с учетом помощи от штабных офицеров, ему еще многое предстояло сделать.

Райдену стоило только взглянуть на перечень проверок транспорта, как он сдался, готовый просить о помощи:

— Слушай, прости меня, Сео, но не мог бы ты...

Взгляд его встретился с Анжу, оказавшейся в нужном месте. Сдерживая порыв цокнуть языком, он посмотрел на потолок.

«Ну да. Его тут нет.»

Анжу слабо улыбнулась. А вот в глазах он заметил тьму, отчего показалось, будто она видела его насквозь.

— Я помогу, Райден-кун.

— Спасибо.

— Не стоит.

Она подошла и взяла половину перечня. Бегло просмотрела первую страницу небесно-голубыми глазами, и последний лучик света во взгляде погас.

— ...Совсем непросто справляться с этим. Намного сложнее, чем я думал, — сказал Райден.

Что для него и Анжу, что для Крены, которой рядом с ними сейчас не было... и, конечно, для Шина. Смерть друга не была редкостью в восемьдесят шестом секторе, и с прибытия в Союз это не изменилось.

Но когда друг выживает, теряя возможность сражаться, — для них это ново. Невыносимая боль сродни той, что испытываешь при смерти товарища, только с ней они не могли свыкнуться.

Краем глаза Райден подметил, как Анжу закусил губу. Относительно недавно Грета призвала девушек из ударной группы начать пользоваться косметикой, и многим действительно нравилось наносить ее. Потому Райден к этому времени привык видеть у нее бледно-розовые губы со слабым оттенком красного.

— Да... В какой-то момент я перестала думать, что мы можем лишиться кого-то из нас пятерых, — признала она.

□

Крена не горела желанием смотреть на море до операции. Но вот она обнаружила себя у кромки воды. Их роли до странного поменялись; товарищи отказались приходить сюда после возвращения. И поэтому берег пустовал.

На следующий день после окончания операции экипаж суперавианосца и горожане принесли сюда цветы, как знак сочувствия Процессорам. Принесли к берегу моря, которое поглотило столько людей... и руку Сео.

— ...Крена.

Услышав оклик, она обернулась и увидела Шина.

— Я буквально только получил разрешение проведать Сео. Собирался к нему зайти... Ты как, в порядке?

— А-ага! — кивнула она в спешке. — Теперь уже в полном!

Вышло слишком уж жизнерадостно, и даже для нее собственный голос прозвучал вымученно. Шин, видимо, понял, что так Крена пыталась сгладить углы, но сказать что-либо в ответ не успел; она посмотрела в заботливые кроваво-красные глаза и заговорила первой:

— Э, можешь передать ему извинения от меня?.. Когда все случилось, я ничем не помогла...

Она оцепенела и не смогла выстрелить. Что в бою с Фениксом, что в отчаянной попытке остановить Ночесветку. Хотя таковы ее роль и смысл существования — помогать своим товарищам.

— Если бы я только собралась тогда, Сео не...

— Крена, — мрачным тоном прервал ее Шин.

Лицо его исказилось, будто он терпел незримые мучения.

— Это не твоя вина. Здесь нет ничьей вины.

Ни в смерти Шаны. Ни в ее выборе идти по дороге сражений.

«Да...»

— ...Ты прав. Но и я тоже — я не смогла привести мысли в порядок.

Она не справилась со своими обязанностями, и из-за этого Сео и Шана... и даже Шин... Если бы она только работала лучше, все сложилось бы иначе. По крайней мере, так она думала.

Ведь иначе это будет значить, что она изначально не могла никого спасти. И в это ей отчаянно не хотелось верить... От осознания по спине пробежали мурашки.

Если она так бесполезна в бою... тогда ей не место подле того, кто стоит сейчас перед ней.

— В следующий раз у меня получится. Я буду сражаться. Я больше не подведу, поэтому прошу...

— Крена.

— ...не бросай меня.

□

Солнечный свет проникал через занавески и падал еле заметными полосами на паркетный пол военного госпиталя. Шагая по коридору, Шин обдумывал слова Крены.

«Если бы я только собралась тогда, Сео не...

... Ты прав. Но и я тоже — я не смогла привести мысли в порядок.»

Она всеми силами пыталась это скрыть, но ее взгляд был точно у брошенного ребенка на грани слез.

Шин невольно задался теми же сомнениями. Что, если бы он не свалился с Мираж-Шпиля в бою с Фениксом? Спроси его любой насчет того, кого стоит винить за случившееся, он бы ответил, что ответственность лежит исключительно на капитане отряда. Лена и Измаил

начали бы настаивать насчет промаха с их стороны, но Шин не смог бы с ними согласиться.

Но пусть его сердце хотело закричать и признать, что вся вина лежит на нем, трезвая часть разума твердила совсем обратное. Упал бы он или нет — исход вряд ли так уж сильно поменялся. Могильщик просто оказался беспомощен перед Ночесветкой, как и все остальные.

С ним изменилось бы только одно — не пришлось бы тратить время на выяснение местоположения управляющего ядра. Только для стрельбы из главного орудия Стелле Марис все равно придется подобраться ближе. Для этого нужно вынести рельсовые пушки, а значит, битва на борту Ночесветки неизбежна.

Но что более важно, Шин так или иначе не смог бы предсказать последний выстрел Ночесветки. Он и предположить не мог, что Легион воспользуется жидкими микромашинами для восстановления ствола. Кому-то пришлось бы встать на линию выстрела, чтобы не подбили Стеллу Марис.

И получалось, взять на себя эту роль — вот и все, что могло измениться с его присутствием. А думать, будто он один склонил бы чашу весов... весьма самонадеянно, по меньшей мере.

У больничной палаты Шин заметил человека, прислонившегося к двери. Светлые волосы, успевшие выцвести от соленого ветра моря, и форма цвета морской синевы Стран флота.

— Привет, — поприветствовал он взмахом руки.

Шин в ответ коротко кивнул. Измаил бросил взгляд на дверь позади себя.

— Страны флота позаботятся в полной мере о тяжелораненых, пока их состояние не подойдет для транспортировки. Мальца это также касается... Двигаться он особо не может, но к боли уже привык. Выслушать тебя он, вроде как, сможет.

— Понятно... Приглядите за ним ради нас, — глубоко поклонился Шин.

Измаил искренне кивнул в ответ. Проводив взглядом силуэт цвета морской синевы, Шин открыл дверь в палату.

Помещение было небольшим, но просторным. Внутри проникал морской бриз. Сео сидел на кровати и смотрел в окно. На скрип двери он обернулся. Завидев посетителя, его где-то отстраненный взгляд нефритово-зеленых глаз сфокусировался.

— Шин... Ты поправился уже, раз ходить можешь?

— Наверное, это я должен сперва спросить тебя о самочувствии, но... Да. Ходить, по крайней

мере, могу.

— Вот как? Рад слышать.

Сео выглядел относительно расслабленным как для человека, чье состояние пока не позволяло выписаться из больницы. Он понял, что Шин преднамеренно не возвращает вопрос, и буднично продолжил:

— Говорят, риск инфекции исключен.

В нефритовых глазах отражалась пустота, передающая чувство апатии. Он словно смотрел в никуда.

— Разрез, как я понимаю, вышел чистым. Залатали довольно легко, и уже не больно даже. Только чувство странное, понимаешь? Когда сижу, оно как-то неправильно ощущается, но хуже всего стоя. У меня словно нарушается равновесие. Хотя...

Он бросил взгляд вниз на левую сторону — на забинтованную культю. И тут же на губах его блеснула слабая самоуничижительная ухмылка.

— ...потерял-то я не так уж много. Подумаешь, предплечье, хах.

— ...

— Руки, как оказывается, довольно тяжелые. Когда они при тебе, особо об этом не задумываешься, но с учетом веса тела в десятки килограммов руки занимают что-то около десяти процентов. Это много.

Нефритовый взгляд не отрывался от культи.

— Знаешь, как-то... в восемьдесят шестом секторе, еще до встречи с тобой, товарищу по отряду оторвало целую руку в битве. И пришлось ее тогда взять. Я должен был на всю жизнь запомнить, какая она тяжелая... Но забыл.

Он забыл, потому что не воспринимал в полной мере событие прошлого. Или, быть может, просто забыл о том, как легко переносились потери. Потеря руки или воли к сражению — злосчастье выбирало жертв без разбора.

— ...И товарищ мой... так и умер. Сражаться больше был не в состоянии, лечения не оказывали... Просто истек кровью.

Вот такую медицинскую помощь оказывали в восемьдесят шестом секторе. В конце концов, в «восемьдесят шесть» не видели людей. С легкими ранами разбирались так, чтобы можно было сразу отправить в бой. А вот с тяжелыми ранениями, требующие госпитализации, оставляли без внимания. Даже в ситуациях, когда должное лечение могло спасти жизнь. Ничто на свете Республика ненавидела так сильно, как трату ресурсов на починку сломанных инструментов.

— Я... больше не могу сражаться, — сказал Сео.

Он вглядывался в ранение, напоминающее ему о бывшем товарище, которого Шин не знал. На ранение, на которое в восемьдесят шестом секторе просто закрыли бы глаза, а здесь вылечили — будто это само собой разумеющееся.

— Но мне не придется умирать. Меня спасли, и никто не говорит мне покончить с собой... Это и правда не восемьдесят шестой сектор. Я оставил поле боя позади. Долго же до меня доходило, но сейчас... да, сейчас это наконец-то кажется реальным.

Они были освобождены из тюрьмы пятилетнего ожидания конца срока службы без надежды на будущее, где единственная возможность увидеть свободу — умереть смертью воина. Смерть их была предрешена, как бы они ни старались контролировать свои судьбы. И все же им удалось выбраться. Они бросили вызов неминуемому для «восемьдесят шесть» и победили.

— Мне всего-то осталось разорвать цепи, связывающие меня с тем местом.

Освободиться от бремени... от веры в существование лишь пути боли и смерти. Последнее препятствие.

— ...Ничего страшного. Я продолжу жить и определенно найду счастье. Иначе не смогу посмотреть в глаза капитану, чего уж говорить про всех остальных, кто погиб или погибнет до нас.

— Ты...

— Знаю. Звучит так, будто я проклиная себя, да? Но сейчас проклятье единственное, за что я могу уцепиться.

Сражаться до самого конца — гордость «восемьдесят шесть». Так они накладывали свой отпечаток, доказательство их существования. Но для Сео этот путь ныне был закрыт. Получается, ему остается только...

— Если позволю этому чувству сковать себя, оно правда станет проклятием. Но если только зацеплюсь и буду держаться до момента, когда найду что-то... свое... как у тебя... тогда оно обратиться в мечту. Уверен, капитан бы одобрил... потому что он хотел бы, чтобы я обрел счастье.

— ...Сео, — сорвалось с уст Шина.

Он понимал, что должен, наверное, просто выслушать его, но... это уже слишком.

— Тебе не нужно принуждать себя... Не нужно делать вид, что с тобой все в порядке.

От слов Шина лицо Сео исказилось в печальную улыбку. Понимал ведь, тот пришел сюда совсем не за этим.

— Да знаю я... Дай мне похрабриться. Я слишком долго полагался на тебя... И сейчас...

«...не позволяй больше этого. Не говори мне положиться на тебя.»

— ...Мне жаль. За то, что ты стал нашим Богом Смерти... Тяжело, наверное, было.

Носить с собой имена и сердца всех павших товарищей до последнего своего пункта назначения. Для Сео и других, кто сражался бок о бок с Шином, это было драгоценным спасением. Но для Шина, на кого все полагались, — неопишемое бремя.

— Спасибо тебе. За все. И мне жаль. Искренне.

Шин машинально хотел опровергнуть его слова, но, на миг задумавшись, умолк. Он бы хотел отрицать наличие бремени. Но это ложь.

— Да... Было тяжело. Правда. От начала и до конца.

Быть тем, на кого опираются. Тем, кому доверяют все свои чувства.

— И как раз из-за бремени я понимал, что не могу просто умереть и бросить всех. Я не сломался на пути, потому что столько людей доверились мне... Я полагался на вас в той же степени. Идти было легче с чувством, что я могу поддерживать остальных.

Стать опорой для друзей — вот благодаря чему он продолжал свою миссию. Казалось, предлагаемые им забота и покой стали его собственным спасением. Подобного рода отношения поддерживать сложно. Ведь каждый налагал свой тяжелый груз, но было это из-за того, что человек оказывался дорог ему.

После продолжительной тишины в раздумьях над ответом Шина Сео наконец кивнул:

— ...Вот оно как. — Он кивнул во второй раз, уже более серьезно. — Получается, даже бремя может стать помощью. Ну тогда...

Он поднял взгляд. Зеленые глаза все еще отражали беспомощность и потерянность, но теперь в них появились частички успокоения и света.

— ...без меня у вас все будет хорошо, да?

— Хорошо точно не будет. Но... мы справимся.

— Думаю, и я тоже смирюсь. Мне... немного, всего на чуть-чуть, но стало легче. Гордость «восемьдесят шесть» не станет моим проклятием.

Он не должен отдавать свое будущее гордости, где в конце их ожидала награда в виде смерти. Нет, он обратит в проклятие просьбу капитана — так поле боя не станет его могилой.

— А пока давай постараемся... Чтобы, когда настанут трудные времена, мы смогли стать опорой друг для друга.

Теперь это будут не односторонние отношения, как раньше, когда один полагался на другого. Теперь они будут на равных.

— Надеюсь, когда день этот наступит, я смогу подойти к тебе и сказать положиться на меня.

□

Шин понимал, что после военного госпиталя ему нужно начать готовиться к возвращению к обязанностям командующего операциями. Тем не менее он, так или иначе, бродил по залам базы, пока не остановился перед скелетом левиафана. Когда он впервые увидел его в детстве, ему казалось, что это кости мифического существа.

Прошло уже более десяти лет, но даже сейчас он словно смотрел на скелет дракона. Чувство не изменилось даже после встречи с настоящими деспотом морей, таким огромным, что в сравнении с ним скелет над ним — просто дитя.

«Без меня у вас все будет хорошо, да?»

— ...Будет ли?

Он сказал Сео, что они справятся, но внутри не был так уж уверен. Он не мог показать сомнения перед ним, поэтому сказал, что должен был.

Ведь больше он ничего не мог сделать. Сео столкнулся с тем концом, с той потерей в последней битве, с которыми Шин бессилен что-либо сделать. Прошлого не изменить.

Существуют вещи, неподвластные даже ему.

Он бессилен перед ними сейчас, и будет всегда.

Скелет дракона над ним, конечно, не ответил на вопрос. Выдохнув, Шин обернулся и вдруг увидел напротив себя Лену. От неожиданности он застыл и проморгал несколько раз.

— ...Что такое? — спросил он.

— В смысле?.. Ты опаздывал, вот я и заволновалась, — ответила она.

Лена подошла ближе с натянутой улыбкой, но по взгляду читались совсем иные эмоции. Она знала Сео давно. Конечно, по большей части она слушала только голос, но связь поддерживалась месяцами. Его уход с линии фронта лег тяжелым грузом на нее.

— Как Сео?..

— Пытается храбриться... Сказал, что с ним все будет в порядке, и что не стоит позволять ему опираться на меня.

Таковы были его слова, хотя никто не стал бы винить за срыв. Шин пришел повидаться как раз затем, чтобы дать возможность выплеснуть эмоции... но сам Сео не дал этому случиться.

— Вот... что он сказал, м-м? — произнесла Лена, подходя еще ближе.

Она проследила серебряными глазами за взглядом Шина до скелета.

— Не могу представить, через какую боль пришлось пройти...

Она не говорила о ком-то конкретном. Вероятно, имела в виду обоих. Боль Сео от потери... Боль Шина от беспомощности...

— ...Да.

Если бы рядом с ним не находился источник комфорта и тепла, он бы ни за что не согласился. Но стоило только признать, и реальность легла слишком тяжелой ношей.

— Я думал, может... получится что-то сделать.

Теперь говорил Бог Смерти... что ставит своих близких превыше всего.

— Во всяком случае, я хотел защитить его сердце. Но вот я пришел к нему, а сделать ничего не мог. Не мог подобрать ни единого слова, чтобы утешить. Я все думал: «Что я должен сделать? Как я могу помочь?..».

Но ответ не приходил.

— ...Прости. Мне не стоило изливаться перед тобой.

— Не извиняйся... Затем я и пришла.

Лена заглянула в необычайно хрупкие кроваво-красные глаза. Так она без слов дала понять, что ей он может раскрыться.

«Ты не можешь спасти всех. Не можешь взвалить на плечи груз каждого.»

Он, вероятно, понимал это как никто другой. Сделанные выборы и последствия — эту ношу нести только самому Сео. Но Шин не мог отделаться от мысли, что этого не должно было произойти. Как не мог отделаться и от печали за такой исход.

Он не обманывал себя.

Шин открыто признал боль, он сокрушался над собственным бессилием — это служило доказательством того, как много Сео для него значит. И эти чувства нельзя принижать.

Вот почему она не назовет его излияния жалкими. Она ни за что не станет думать о нем хуже.

— Положись на меня. Если ты страдаешь, обопрись на меня. Я поддержу. Мы можем разделить бремя вместе. Грустно тебе или больно, я... я защищу тебя.

Он — добрый человек. Он будет страдать за беды остальных. Но эта доброта истязает его, и будет мучить дальше, пока ноша не станет слишком тяжелой.

— Шин, я буду рядом в трудные времена. Я всегда буду с тобой.

«Никогда не оставлю. Не стану причиной твоей печали. Я буду тем человеком, чью боль тебе не придется переносить на себя. И...»

□

— Я тоже тебя люблю.

□

— Я хочу провести свою жизнь с тобой. Хочу снова взглянуть на море, только в этот раз с тобой. Я хочу, чтобы мы вместе посмотрели на то самое море из твоих желаний.

На беспощадное северное море, светящееся нежной синевой. На летнее южное море, чьи воды переливаются мириадами цветов. На фейерверки Фестиваля революции. На осенние и зимние пейзажи Союза, которыми Лена не насладилась по-настоящему. Совершить тур по Объединенному королевству с обязательным любованием северным сиянием, как они пообещали друг другу. Увидеть живописные виды Альянса. Посетить бесчисленные города и страны, что лежали за территориями Легиона.

Вернуться в восемьдесят шестой сектор и посмотреть на распускающиеся цветы.

Узреть все то за пределами поле боя, что он так жаждал показать ей.

— Я хочу посмотреть на все невиданное вместе с тобой. Хочу любоваться твоей улыбкой. Хочу разделить с тобой все эмоции: радость, печаль. Навсегда... если возможно.

«Можешь открыть мне свою боль. Можешь однажды поделиться историей за этим шрамом вокруг шеи.»

Она провела руками по шраму, потом встала на цыпочки и потянулась к его губам. Рану Шин всегда прятал за воротником формы, но ее прикосновения не отверг. Он обнял девушку со всей нежностью мира за талию и притянул к себе.

Искусанные губы были с еле заметным вкусом крови. На миг ей показалось, будто она ощутила солоноватость слез. Слез, которые он отказывался проливать перед ней. Слез, которые не позволял никому увидеть. И чтобы смахнуть их, она просто поцеловала его.

Поцелуй был сродни клятве, сродни обещанию перед Богом. Поцелуй принца, по рассказам творящего чудеса.

Ее клятвенный поцелуй, ее обещание перед Богом Смерти. Поцелуй Кровавой королевы, порождающей чудеса.

— Давай вместе отправимся за поле боя. Вместе переживем кровавую войну. Вместе дойдем до конца.

Пока смерть не разлучит их?

Нет. Им не хотелось конечного счастья. Вихри войны, несущие смерть, дули постоянно и со

злостью, им ничего не стоит разорвать столь хрупкое желание.

Нет, даже смерть не сможет их разлучить.

— Я всегда буду ждать твоего возвращения. Я никогда не оставлю тебя...

Сдержать это обещание на поле боя верной смерти сродни чуду. Но раз это желание, созданное из решимости исполнить его друг для друга, оно станет клятвой.

— ...так что возвращайся всегда.

Какие бы шумные сражения не ждали их впереди, он должен избегать смертельного исхода.

— Мне нужно, чтобы ты возвращался. Живым и здоровым.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1824311>